

Ю.В. Ермакова

Волгоградский государственный
педагогический университет

Функции собственных именованных в художественном тексте (на материале лирики А.А. Ахматовой 1911 – 1920 гг.)

*Текст и дискурс на современном этапе
развития лингвистической мысли*

Кроме традиционно выделяемых средств создания образности речи — тропов — лингвисты указывают и на нетропеические. К ним можно отнести онимы (имена или названия реально существующих или существовавших людей, городов, рек, созвездий, наименования предметов, созданных фантазией человека: богов, демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора и т.д.). Под именами собственными, вслед за О.И. Фонаковой, мы понимаем «универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» (Фонакова 1990: 3).

Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений и понятий. Ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяют отдельные зоны или поля. «Поле» в ономастике — «часть ономастического пространства, содержащая онимы определенного вида» (Суперанская 1973: 281). Такое деление необходимо потому, что все ономастическое пространство трудно обозримо. Вне его могут быть выделены антропонимия (именования человека), топонимия (географические названия), зоонимия (клички животных), фитонимия (названия растений), астрономия (астрономические названия), этнонимика (названия различных народов, народностей) и т.д. Каждый из выделяемых классов онимов качественно неоднороден. Так, например, антропонимы (именования людей) могут быть индивидуальными (личное имя, отчество, фамилия) и групповыми, которые

включают в себя родовые, семейные и династические имена. Среди топонимов выделяют гидронимы (именования водных объектов), ойконимы (названия населенных пунктов), оронимы (названия элементов земной поверхности), урбанонимы (названия внутригородских объектов). А в состав мифонимов, которые представляют собой своеобразный сектор ономастического пространства, входят именованные людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов, в действительности никогда не существовавших, а известных нам из сказок и мифов.

Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в «сложной и глубокой образной перспективе художественного целого» (Виноградов 1954: 18 — 20). Каждый из писателей употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином произведении. На употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления, позиции автора.

Одно и то же имя может служить разным целям. Имена собственные в художественном тексте отличаются от общеязыковых и функционально, и семантически. Так, в реальной жизни нет внутренней связи между именем и его носителем. Подчеркивается отсутствие у имен собственных лексического значения, их семантическая опустошенность. В противоположность именам нарицательным, они ограничиваются одной функцией — обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые объекты. Но в художественном произведении связь между именем и носителем вполне может быть установлена волею автора. «Имена собственные, не имеющие в языке своего предметно-логического или коннотативного значения, в художественном тексте приобретают семантический и эмоциональный потенциал, который накапливается в процессе разворота текста через авторские и персонажные характеристики обозначаемого объекта — носителя имени» (Автеньева 1988: 163).

Особенно актуальным сегодня представляется анализ специфики употребления имен собственных в поэтических текстах.

В то же время имя собственное, становясь материалом поэзии, играет особую роль — становится точкой отсчета при актуализации гармонии поэтического текста» (Жоги́на 1997: 2). Кроме того, стремление писателя максимально использовать возможности имен собственных в поэтическом тексте приводит к тому, что они становятся одним из важнейших средств для создания ярких, неожиданных образов, что определяет их основную функцию — изобразительную.

А. А. Ахматова в лирических произведениях отводит особое место ономастической лексике. Стремление поэта максимально использовать возможности имен собственных в поэтическом тексте приводит к тому, что они становятся одним из важнейших средств, служащих для создания ярких образов, но при этом совершенно органично вливаются в смысловую организованность стихотворения. Следует отметить, что в ранней лирике А. А. Ахматовой (в период с 1911-го по 1920 г.) читатели встречаются с топонимами, антропонимами и онимами, которые можно отнести к религиозной тематике.

Современники А. А. Ахматовой всегда говорили о том, что она не любила, когда лирическую героиню отождествляли с самой поэтессой. Но, читая ахматовскую лирику, нельзя не почувствовать того, что лирической героине дорого все то, что было дорого автору поэтических строк. Лирическая героиня, подобно Ахматовой, влюблена в Царское Село, Петербург, Ниццу, Летний сад, Россию. Топонимы в стихотворениях А. Ахматовой неразрывно связаны с биографией поэтессы, именно поэтому и появляется у данных словонимов авторская коннотация.

Группа собственных имен представлена достаточно широко. В стихотворениях встречаются топонимы родной земли и топонимы, отсылающие к другим национально-культурным особенностям. Первая группа в поэзии отражена наиболее широко. Так, в стихотворениях часто встречаются урбанонимы *Летний сад, Исаакиевский собор, Галерная, Третий Зачатьевский*; ойконимы *Петербург, Царское Село, Бежецк, Москва, Петроград*; гидронимы *Москва-река, Нева*. Вособую группу можно объединить все относящиеся к линии Петербурга. Н. С. Гумилев говорил о поэзии А. Ахматовой: «Она почти никогда

не объясняет, она показывает» (Гумилев 2007: 350). Действительно, используя в стихотворениях названия переулков, мест отдыха, культурно-исторических объектов Петербурга, неоднократно упоминая имя самого города, поэтесса достигает эффекта рисования картины города. При этом использование самого онима *Петербург* опирается на широкую традицию употребления, аккумулируются ассоциативные связи с другими авторами и их произведениями, что позволяет говорить о культурной преемственности данной тематики. Слово *Петербург* становится неким символом, мотивированным в культурном и историческом плане.

Помимо урбанонимов к линии Петербурга можно отнести и гидроним *Нева*. Поэтесса однозначно указывает на то, что Нева — это символ как жизни, так и смерти, но для лирической героини невольская вода — живительная.

Проанализируем два отрывка:

*В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.
(В последний раз мы встретились тогда...)*

*Переулочек, переул
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть **Москвы-реки**.
В окнах теплятся огоньки.
<...> Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы **невской** воды глоток.
(Третий Зачатьевский)*

Если первый фрагмент стихотворения дает представления о Неве как о стихии, реке, которая славится тем, что выходит из своих берегов, и эта информация обусловлена историческими фактами, то второй фрагмент — это субъективное представление, обусловленное личной привязанностью лирической героини к Петербургу и Неве как одному из символов этого города. Указание на то, что именно Петербург дорог героине, присутствует в контекстуальном противопоставлении символов Москвы и Петербурга — Москвы-реки и Невы, эту же функцию выполняет и метафора «Переулочек, переул Горло петелькой затянул». Героине тесно в Москве, душно, а Петербург с невольской водой — дают силы жить.

С темой Петербурга неразрывно связано

использование антропонима *Петр*:

*Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невой темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.
(Стихи о Петербурге)*

Группу антропонимов составляют как имена современников А.А.Ахматовой, так и исторических личностей, художественных персонажей. Помимо Петра Великого возникают образы князя Владимира, Михаила Архистратига, Парни, Гамлета. Использование имен исторических личностей прошлых эпох позволяет поэтессе создать особую культурно-историческую атмосферу:

*Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей **Владимир**
Поднял черный крест.
(Древний город словно вымер)*

Использование реалий прошлой эпохи, наряду с присутствием в ней образа лирической героини позволяет соотнести события прошедшие с современными, дать им индивидуальную оценку. Использование онимов, отсылающих читателя к определенному периоду российской истории, обусловлено их способностью аккумулировать великий смысловой потенциал.

К особенностям лирики А. Ахматовой можно отнести упоминание имен поэтов, писателей с целью соотнести текст произведения не столько с их личностью, сколько с творчеством. Так, поэтесса обращается к именам А. Блока, Н. Гумилева, И. Анненского. Рассмотрим стихотворение «Подражание И.Ф.Анненскому».

*И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Восток голубел.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я не сразу поверил тебе.*

*Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?*

*И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Всё как будто с последнего мига*

Не прошли безвозвратно года.

*О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.*

Прежде всего следует отметить, что имя И.Ф.Анненского помещено в заглавии, но в самом тексте нет упоминания о поэте. Заглавие — один из ключей к пониманию произведения, в данном случае читатель убеждается, что не личность Анненского интересует Ахматову, а его стилистическая манера. Поэтесса обращает внимание на все тонкости его художественного мастерства, даже повествование ведется от мужского лица. Но при этом, если читатель не знаком с творчеством поэта, его стилем, манерой письма, не знает факты биографии Ахматовой (Анненский был ее учителем), то стихотворение теряет тот глубокий смысл, который первоначально был в него заложен. «И всегда открывается книга/ В том же месте..» — реминисценция из стихотворения Анненского «Тоска припоминания», «О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня...» — реминисценция из стихотворения «Я думал, что сердце из камня». Если не принимать это во внимание, текст утрачивает первоначально заданную красоту и ценность, теряются ассоциативные связи с творчеством поэта Серебряного века.

Доказывать, что А. А. Ахматова была христианским поэтом, не приходится. Многие ее стихотворения сходны с жанром молитвы, часто присутствуют пророческие обличения, библейские цитаты и реминисценции. Безусловно, религиозность Ахматовой была и поэтизирующей, преображающей мир. Религия расширяет сферу красоты, включая красоту чувства, святости, церковного благолепия. На религиозность поэтессы и ее лирической героини указывает весьма частое использование онимов сакрального характера: *Крещение, Богородица, Магдалина, Библия, Пасха, Давид, Рождество, Благовещенье, Христос.*

Лирическая героиня заявляет о себе как о человеке, обращенном к Богу. Взывание к Христу, Богородице, вступление с ними в диалог создают иллюзию близости говорящего и адресата, что расширяет масштабы поэтического сознания и смыслового пространства лирического произведения:

*Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.*

*И я стану — Христос, помоги!—
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки <...>*

Часто присутствие онимов сакрального характера сопряжено с особенностями жанра. Как уже упоминалось выше, это может быть стихотворение-молитва, стихотворение-пророчество, где библейские мотивы тесно переплетаются с событиями действительности:

*Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.*

*Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:*

*«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.*

*Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».*
(Июль 1914)

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что онимы в текстах А. А. Ахматовой, безусловно, выполняют

важную художественно-образительную функцию, часто задавая тональность произведений. Среди названных онимов особый интерес представляют собственные именованья линии Петербурга и относящиеся к сакральной лексике.

Литература

Автеньева Л. А. Корреляция предметно-логического и назывного значения антономазии в оригинале и переводе / Л. А. Автеньева // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 69—77.

Бакастова Г. В. Имя собственное в художественном тексте / Г. В. Бакастова // Русская ономастика. М.: Наука, 1984. С. 129—146.

Виноградов В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вopr. языкознания. 1954. № 5. С. 3—27.

Гумилев Н. С. // А. А. Ахматова. Стихотворения. Поэмы / Н. С. Гумилев. М.: Дрофа, 2007. С. 349—352.

Добин Е. С. Поэзия А. Ахматовой / Е. С. Добин. Л.: Наука, 1968. 249 с.

Жирмунский В. М. Творчество А. Ахматовой / В. М. Жирмунский. Л.: Наука, (Ленингр. отд.-ние), 1973. 184 с.

Жоги́на К. Б. Поэзия собственных имен (некоторые особенности лирики М. И. Цветаевой) / К. Б. Жоги́на // Анализ художественного текста на школьном уроке: теория и практика: сб. науч.-метод. тр. Ставрополь: Изд-во СГПУ, 1995. Вып. 1. С. 45—60.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1973.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. Л., 1990.